

поединок

3

поединок

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИИ
1977

В Ы П У С К Т Р Е Т И Й

Редакционная коллегия

Ю. АВДЕЕНКО
А. АДАМОВ
Д. АФАНАСЬЕВ
А. БЕЗУГЛОВ
А. БЕЛЯЕВ
Л. КОРНЕСХОВ
В. ПОНИЗОВСКИЙ
Ю. СЕМЕНОВ
В. СМЕРНОВ
Э. ХРУЦКИЙ

© Издательство «Московский рабочий», 1977 г.

поединок

СБОРНИК

Виктор ВУЧЕТИЧ

Юрий АВДЕЕНКО

Виктор ДЕЛЛЬ

Анатолий РОМОВ

Федор ШАХМАГОНОВ

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Святослав РЫБАС

Николай КОРОТЕЕВ

Владимир ВИНОГРАДОВ

Виктор СМИРНОВ

Жанр, нужный всем

— Любите ли вы приключенческую литературу?

— Не люблю, но зачитываюсь.

Из разговора двух очень серьезных мужчин

Перед нами очередной сборник приключенческих повестей и рассказов, издаваемый «Московским рабочим». Теперь мы вправе говорить об установившейся, окрепшей традиции. Сборник приобрел своего читателя. Его выхода ждут, издание, судя по откликам, приобрело популярность, заняло свое место в нашем огромном книжном мире и, стало быть, оказывает определенное влияние на развитие приключенческой прозы.

Об этой области литературы сейчас довольно много пишут и говорят. Наконец-то много... Поэтому мне меньше всего хочется написать классическое послесловие с обзором или анализом публикуемых в сборнике произведений. Это гораздо лучше сделал бы профессиональный, беспристрастный критик. Я же, как автор, сравнительно недавно начавший работать в приключенческом жанре, такой беспристрастностью не обладаю. Мне хорошо помнятся те недалекие времена, когда мы, начинающие литераторы-приключенцы, имеющие в своем творческом багаже по несколько рассказов или очерков или в лучшем случае повесть, собрались на свое первое совещание и столкнулись с целым рядом проблем, и в частности, с тем, что нужно начинать едва ли не с самого начала. Неискушенному читателю трудно представить, что еще лет пятнадцать назад приключенческая литература не имела ни одного собственного полноценного издания (напомню вскользь, что своего журнала она не имеет и до сих пор). Когда комсомольское издательство «Молодая гвардия», взявшее на себя роль застрельщика, решило выпустить первый, небольшого объема приключенческий сборник, то выяснилось, что его не из чего набрать. Составителям пришлось потрудиться немало.

В то время в приключенческом жанре работала небольшая группа авторов, начинавших еще в 20-е и 30-е годы, да еще несколько писателей иного поколения, начавших позже, но уже маститых и стоявших как бы особняком,— таких, как Василий Ардаматский, Аркадий Адамов и более молодой, вошедший в литературу стремительно, уверенно и твердо, Юлиан Семенов. Литературная молодежь (а сборники был задуман как трибуна молодых) казалась слишком зеленой, неопытной. Редакторы, поклонники жанра, проявили определенную смелость, пообещав читателю ежегодный сборник.

Тут уместно будет сделать небольшой экскурс в историю нашей приключенческой, вообще остросюжетной прозы. Для читателя, полагающего, что этот жанр всегда напоминал клокочущий стихийный поток и все сложности заключались в том, чтобы отсечь подлинно художественную литературу от подделок, здесь кое-что окажется в новинку.

Дело в том, что эта разновидность нашей отечественной прозы — самая молодая, возникшая при жизни одного лишь поколения. Парадокс: могучая русская литература с ее богатством имен и направлений приключенческой ветви не имела. Мы знаем лишь несколько крупных писателей, чьи произведения могут быть отнесены к приключенческому жанру (вспомним «Князя Серебряного», «Ледяной дом»). Но в основном читатель получал обильную переводную литературу, а большинство наших беллетристов писало подражательно, вторично, пользуясь чаще всего «заграничным» материалом, заимствованной экзотикой ковбоев, трапперов, флибустьеров и т. п. Мечтательные чежовские мальчики Володя и непреклонный Чечевицын, он же Монтигемо Ястребиный Коготь, как мы знаем, собирались бежать не куда-нибудь, а в Калифорнию. Царство мечты и романтики находилось очень далеко от юных читателей.

Но вот что удивительно: в советские годы в нашей прозе появлялась целая плеяда блестящих прозаиков, посвятивших себя приключенческому жанру либо близких, созвучных ему по духу. Думается, прежде всего мы должны назвать имя Александра Грина, чей талант расцвел в 20-е годы. Не случайно Грин так много печатался во «Всемирном следопыте», журнале, обозначившем целую главу в истории отечественной приключенческой литературы. (Интересно, что в то время издавались еще сразу два «Вокруг света» — в Ленинграде и в Москве, да еще «Всемирный турист», их собрат по направлению.) Именно как приключенческий писатель входит в литературу Владимир Арсеньев со своим «Дерсу Узала» (он также начал публиковаться во «Всемирном следопыте»). Открывают широкую дорогу научно-приключенческому жанру Александр Беляев, Владимир Обручев. Крепнет историко-приключенческая литература,

уже имевшая определенные традиции, ее яркие представители в те годы — Василий Ян, Михаил Зуев-Ордынец. Отдают дань жанру такие мастера прозы, как Алексей Толстой, Николай Тихонов, Вениамин Каверин, Валентин Катаев, Мариэтта Шагинян, Сергей Колбасев, Сергей Мстиславский и многие, многие другие. Чуть позже читатель знакомится с именами Сергея Диковского, Льва Кассиля, Леонида Платова, Евгения Рысса, Александра Козачинского с его единственной, но зато ставшей классической повестью «Зеленый фургон». Ну, а разве не близки приключенческой литературе Аркадий Гайдар (многие его произведения можно прямо отнести к этому жанру), Константин Паустовский, многие другие именитые наши писатели?

Так в очень короткий срок утвердился приключенческий жанр, полноправное и полнокровное детище многообразной советской литературы. Почему это произошло? Как на пустом, по сути, месте возникло такое фундаментальное и вместе с тем изящное, поэтическое, со своим характерным стилем здание?

Ответ, думается, достаточно ясен. Подвиги бойцов революции и гражданской войны, а затем атмосфера происходящей в стране гигантской перестройки, освоения огромных, не тронутых еще пространств, сам дух героической и дерзкой эпохи, настроение общества — вот что явилось основой для расцветающего жанра. Смелые, сильные герои, неустанно стремящиеся открыть новое, изменить окружающую среду, манили молодого читателя. Мы знаем, что американской приключенческой литературе дало мощный толчок освоение «дикого Запада» и Аляски. Но эта кампания в сравнении с переменами, происходившими в нашей стране, может показаться частным фактом. Решительные сдвиги мы видим во всех областях, но особенно заметными, притягательными для молодежи были полярные рейды, открытия бесстрашных геологов, подвиги пограничников, дальние перелеты авиаторов, покорение стратосферы. Реальность, казалось, шла в ногу с мечтой, вымысел соприкасался с фактами действительности, и от этих искрящихся контактов рождалась, в частности, энергичная, страстная приключенческая литература.

Уверен, мы все можем гордиться этой историей жанра, видеть в ней одно из достижений социализма в области духовной жизни, достижение пусть не очень приметное на фоне многих других, но тем не менее явное и безусловное. Можно с полной убежденностью сказать, что в том, что к сорок первому «огневому, пороховому» году мы сумели воспитать поколение отважных, решительных, стремящихся к подвигу молодых бойцов, есть определенная заслуга и нашей приключенческой литературы.

Но период расцвета жанра, его начальный взлет не привел к ре-

зультатам, которых могла бы ждать наша проза. Появились критики («какие-то скучные дяди и тети», по меткому выражению Сергея Голицына, одного из тогдашних авторов «Всемирного следопыта»), которые обрушились с разными нападками на приключенческие произведения и их авторов. Уже во времена РАППа стало модно обвинять жанр в отрыве от жизни. Приключенцев призывали не придумывать, не мечтать, а писать о вещах определенных, ясных, например о стройках с их конкретными проблемами. При этом совершенно не учитывалось, что приключенческая литература сильна не тем, что описывает ход строительства (для этого есть иные жанры), а тем, что воспитывает строителей смелыми, ищущими, настойчивыми. Были упреки в излишней... увлекательности, якобы вредящей прозе вообще, оттесняющей более «серьезные произведения» на второй план. Любопытно: утверждая право писателя на острый сюжет и отстаивая, в частности, А. Козачинского, «Литературная газета» публикует статью с выразительным названием: «В защиту занимательности». В поддержку приключенческой прозы выступает Максим Горький, который положительно оценил работы Леонида Борисова и Льва Никулина и требовал учитывать естественное стремление юных читателей к яркому и необычному. Об этом же писал и такой серьезный педагог, как Антон Макаренко.

«Скучные дяди и тети» вменяют жанру в вину те его особенности, которые неотделимы от его сути. Мы хорошо знаем, что приключенческие авторы описывают, как правило, случаи редкие, исключительные. Писатель показывает героя в тот момент, когда он переживает самые тяжелые минуты жизни. Если мы с вами вспомним десяток любимых приключенческих книг — ну, скажем, таких, как «Жестокость» и «Испытательный срок» Павла Нилина или «Майор Вихрь» Юлиана Семенова, — то обнаружим без труда, что писатели изучают характер в ситуации исключительно напряженной, даже трагической, наводящей на мысль об обреченности, близкой гибели. Это, конечно, не случайно. Такова особенность остросюжетной литературы — тяготение к драматическим обстоятельствам. В те мгновения, когда человек действует как бы независимо от всех, решая главный вопрос жизни, когда он сам, наедине со своей совестью, со своим чувством долга и ответственности перед Родиной и товарищами оказывается один себе судья, характер раскрывается с наибольшей выразительностью и силой. Только в такой обстановке и рождается подвиг.

И вот некоторые критики, обнаружив это свойство жанра, поспешили обвинить его в том, что он склоняется к показу одиночек, тяготеет к необычным, излишне обостренным ситуациям («модельным» — как мы говорим сейчас на языке науки), искусственно изо-

лирует героев. Но если вдуматься — разве наши герои оставались одиночками? Драматизм положения лишь выявлял в них то, что было заложено в их души всей предыдущей жизнью, коллективом, воспитавшим их. То, что вызревало в человеке годами, вдруг одним протуберанцем выплескивалось наружу. Вот почему поведение таких героев, если прибегнуть к анализу, а не скользить по поверхности фактов, глубоко социально, обусловлено и свидетельствует о состоянии общества в целом. За частным драматическим эпизодом просматривается нечто значительно более широкое, важное. То есть наша приключенческая литература решала те же задачи, что и любая иная область творчества, только своими, особыми средствами.

То, что многие критики требовали от жанра тех качеств, какие ему не свойственны, приводит к последствиям не очень приятным. Многие авторы-приключенцы уходят в более чтимые, «престижные» области прозы, а произведения, написанные в лучших традициях отечественной приключенческой литературы, изымаются из жанра, зачисляются чисто формальным, можно сказать, банковским путем на иные счета. Так случилось, скажем, с «Двумя капитанами» В. Каверина. До сих пор он носит робкое и невнятное наименование «романа для юношества». Хорошую книгу как-то уже немодно, несерьезно причислять к приключенческой литературе.

Что же остается жанру? Лишь тот самый нижний уровень, который химики именуют осадком. И вот место пылкого и живого Володи Патрикеева из «Зеленого фургона» занимает печальной известности майор Пронин, человек-схема. Естественно, майора Пронина и его создателя критики бьют. Бьют поделом. И тем более основательно укореняется в нашем сознании мысль, что приключенческий жанр на несколько порядков ниже всех остальных. Это прекрасный объект для пародий, шуток и оттачивания прорезающихся зубочков у молодых критиков. Соблазнительная мишень в большом литературоведческом тире.

В то время остаются верными жанру такие писатели, как Леонид Платов, Евгений Рысс, Роман Ким, Николай Томан. Но их мало. И смены им не видно. Однако жанр проявляет жизнестойкость. Вскоре происходят серьезные перемены.

Здесь важнейшую роль играет настроение читательской аудитории. Молодой читатель тянется к литературе романтической, яркой, героической, к сильным и цельным характерам. Это читатель, родившийся уже в послевоенные годы, читатель, на нашу общую радость, многомиллионный, массовый, от которого враз стало тесно в школах, еще недавно легко вмещавших «военку» — поколение, появившееся на свет в тяжелую пору Великой Отечественной. Это читатель требовательный, знающий, шумный и жадный, выросший и

сформировавшийся в эпоху покорения космоса и освоения целины, строительства первых атомных электростанций и атомных кораблей. Ранее казалось, что, по мере того как географические открытия исчерпают себя, угаснет питаемый ими приключенческий жанр; уделом его станут лишь уголовные истории. Но пришли новые открытия, в иной среде. Романтика оказалась неисчерпаемой, как и сама молодость. Более того, открытия являлись не только из области невероятного будущего, так быстро приближаемого научно-техническим прогрессом, но и из прошлого. Год от года мы узнавали все больше ярких и примечательных страниц истории, страниц, вчера еще нам не известных.

Словом, жажда героико-романтической литературы ощущалась все явственнее. Зарубежные детективы, которые в то время стали в изобилии появляться на страницах журналов, шедшие нарасхват переводы иностранных писателей-путешественников лишь подчеркивали, как мало у нас своих авторов...

Вакуум в эту пору нередко заполняется низкопробным чтивом. Молодые литераторы робко пробуют себя в приключенческом жанре. Тем более что в издательских планах эта проза не занимает и процента. Именно в эти годы успех таких первоклассных писателей, как Ардаматский, Адамов, Семенов, подсказывает, куда и как развиваться остросюжетной прозе. Но эти авторы выглядят одиночками. Они стоят особняком. Это генералы без армий.

На помощь жанру приходит прежде всего комсомол и его центральное издательство. Комсомол особенно остро ощущает, как не хватает юному читателю героико-романтической литературы. Начинаются поиски молодых авторов. Совсем юные литераторы приходят в издательство. И вот — сформирован первый небольшой ежегодник. Он страдает очерковостью, ему не хватает полета, раскованности, увлекательности. Но в нем есть точный прицел. Сборник — о наших современниках и для наших современников. Он вносит много новых тем, которых так не хватало жанру. Он взрывает уже установившуюся непонятную тягу к многообъемным «эпопейным» приключенческим романам, которые удивительно напоминают семейные хроники. На страницах первого сборника 1964 года мы встречаем имена литераторов, которые вскоре прочно утвердятся в отечественной литературе — и не только в приключенческой. Это относится, например, к Олегу Куваеву, автору впервые опубликованного в ежегоднике прекрасного рассказа «Берег принцессы Люськи».

Итак, пробный шар запущен. Примерно в одно время со сборником начинает жизнь серия «Честь. Отвага. Мужество», или, в обиходе, «ЧОМ». Возникает серия «Стрела». Издательство «Молодая гвардия» публикует лучшие образцы зарубежного детектива и иной

остросюжетной литературы. Меняет свой облик журнал ЦК ВЛКСМ «Вокруг света». Он становится подлинным, как сказано на его титуле, «журналом приключений, путешествий, фантастики». Рядом с журналом возникает «Искатель». На Урале рождается новый «Следопыт». При журнале «Сельская молодежь» издается завоевавшая доверие самых взыскательных читателей библиотека «Подвиг». «Детская литература» тоже проявляет повышенный интерес к жанру. Издательство «Московский рабочий» вносит свою лепту — солидно и обстоятельно, учитывая накопленный опыт. Не отстает Воениздат.

Разумеется, период роста не обходится без болезней. Мы могли встретить и слабые работы, тяготеющие в согласии с канонами «чистого», то есть препарированного, выделенного из художественной прозы жанра к голей событийности, без попыток серьезного нравственного или психологического поиска. Нам попадались, возможно, и произведения облегченные, трафаретные — скажем, написанный по западному образцу и механически перенесенный на нашу почву детектив, поверхностный конспект какого-либо следовательского дела и т. п. В издания по недоразумению забредали случайные литераторы, полагающие, что в приключенческом цехе требования к мастерству ниже, чем в иных областях прозы.

От таких бед не застрахованы литература и искусство в целом. Но главное — у жанра хватило сил натянуть тетиву, приключенческая стрела ринулась в полет. Молодые литераторы, чей талант благодаря общему вниманию и заботе креп от года к году, заявили о себе всерьез и постепенно образовали довольно мощную и крепкую когорту.

Уже упоминалось здесь имя Олега Куваева, замечательного прозаика, увы, недавно ушедшего от нас и не успевшего сделать, можно смело утверждать, и четверти того, что он мог и сделал бы. Геолог, много лет проработавший на Чукотке, писатель, вошедший в литературу со своим стилем и своей темой, писавший «на стыке» жанров (лучшие произведения приключенческой литературы всегда возникали «на стыке» и трудно отделимы от «прозы вообще»), Куваев во многом определил высокий художественный уровень молодой приключенческой прозы, что называется «поднял планку» и заставил многих, идущих следом, работать лучше, с полной самоотдачей и ответственностью перед читателем. Он был талантлив, что чувствовалось в каждой его фразе, в каждом образе, и это, естественно, не могло не оказать влияния на жанр в целом. Сюжеты, разрабатываемые Куваевым, исполнены драматизма, неожиданных и острых поворотов. Писатель раскрывал необычные, яркие характеры. Великая поэтическая стихия странствий и открытий манила Куваева, в этом он был близок раннему Паустовскому, Мстиславскому, Горбатову,

однако творческий почерк писателя был самостоятелен и легко различим. Куваев, лаконичный и сдержанный, во всем выверял лирику и поэзию иронией, а высокий «романтический штиль» — точностью, конкретностью, вещностью описаний. Напомним, кстати, что последний роман Олега Куваева «Территория», опубликованный в журнале «Наш современник» и замеченный наконец критикой, роман по преимуществу психологический и остросоциальный, все же явственно тяготеет к традициям приключенческого жанра, и от него идут крепкие корешки к первым, романтическим и экзотическим, рассказам писателя. Большая «Территория» включает десятки малых, завоеванных писателем в его ранних, чисто приключенческих работах.

В предыдущих выпусках «Поединка» назывались имена и других писателей, пришедших в приключенческую литературу в последние 10—12 лет.

Молодая поросль советской приключенческой литературы не стихийное явление, возникшее само по себе, без фундамента организаторской работы. Поскольку в самом начале статьи было сказано, что она является не литературоведческим обзором, а, скорее, свидетельством очевидца и участника, решившего посвятить читателей в будничную сторону работы приключенческого цеха, то здесь следовало бы назвать имена людей, много сделавших для развития нашего с вами любимого жанра в организационном отношении, но оставшихся, как это часто бывает в подобных случаях, в тени.

Напомню, что сделать это меня призывает судьба замечательного человека, сыгравшего огромную роль в становлении отечественной приключенческой прозы в самое трудное для страны время, но теперь уже забытого и незнакомого даже многим специалистам. Речь идет о Владимире Алексеевиче Попове, личности яркой и своеобразной. Еще до революции ВАП (так сокращенно звали его друзья) редактировал «Вокруг света» — журнал для того времени весьма прогрессивный, с ярко выраженным антимищанским курсом, поддерживающий романтические настроения юных читателей и объединивший вокруг себя многих революционно мыслящих авторов. Полностью раскрылся талант Попова после 1917 года. Он создал «Всемирный следопыт», ставший центром нарождавшейся советской приключенческой прозы, возобновил в Москве издание «Вокруг света», основал (будучи уже весьма немолодым человеком) «Уральский следопыт». Владимир Алексеевич выискивал десятки и сотни новых авторов, объединял их, направлял, заражал своей увлеченностью и верой в силу героико-романтического жанра. О характере этого человека лучше всего говорит написанная им в 20-е годы и ставшая популярной пионерской «костровой» песней «Картошка» — песня дерзкая, юная, задорная. Попов не писатель, его имя не встретишь на корешках книг

и на страницах «Литературной энциклопедии», но он сделал для жанра так много, как никто другой.

Не к лицу нам, чтобы таких людей забывали. Поэтому даже в столь беглом и кратком рассказе я хотел бы назвать имя недавно скончавшегося Александра Яковлевича Строева, на протяжении многих последних лет редактировавшего в «Молодой гвардии» приключенческую литературу, старого большевика, опытного журналиста, в комсомольском своем прошлом бойца чоновских отрядов на Украине.

Фамилия редактора, увы, по нынешним правилам, на мой взгляд не вполне справедливым, набирается мелким шрифтом в разряде всяческих выходных данных, и обычно читатель ее не замечает. Неудивительно, если даже заядлые знатоки и любители жанра впервые слышат о Строеве. И лишь тот, кто работал вместе с ним, знает, как много сделал этот редактор для приключенческой литературы в последние годы. Он отыскивал начинающих авторов, по первым их опусам определял «степень пригодности», дружески поддерживал их, принимал живейшее участие в их судьбе, оставаясь при этом строгим и требовательным, истинно комсомольским, то есть страстным, горячо заинтересованным в своем деле редактором.

Леонида Дмитриевича Платова нет нужды представлять читателю. Все знают его увлекательные романы о военных моряках. Как писатель Платов давно завоевал популярность. Но мало кому известно, что именно Леонид Дмитриевич, с его неутомимостью и доброжелательным отношением к новичкам, основал при Московской писательской организации объединение приключенцев, которое сыграло большую роль в возрождении жанра. Это объединение явилось серьезной школой литературного мастерства для многих авторов. Конечно же пример таких замечательных людей, как Попов, Строев, Платов, должен многое подсказать и «Московскому рабочему», взявшемуся за издание приключенческих произведений.

Такова вкратце история роста приключенческой прозы за последние годы. Спору нет, сегодня наш жанр еще не может похвастаться тем, что набрал достаточную высоту. Узка авторская география. Подавляющее большинство литераторов, работающих наиболее интересно и плодотворно, сосредоточено в Москве. Дает себя знать и бедность поименного авторского списка. Молодые литераторы ступают на приключенческую стезю все еще с оглядкой: не признают ли их занятие второстепенным по сравнению с каким-либо иным литературным делом?

Невысок еще художественный уровень приключенческой литературы в целом. Работы «ведущих» по своим литературным достоинствам, по глубине мышления, эрудиции, культуре резко отличаются

от того, что нам дает поток приключенческой литературы, печатаемой в различных изданиях. Случается, авторы, пишущие в остросюжетном жанре, надеются на то, что коллизия, интрига вывезут. Они живут во вчерашнем дне. Сегодня в приключенческой литературе мера оценок такая же, как в любой другой области прозы.

Не знаю, прав ли я, но мне кажется, на жанр начинает оказывать вредное влияние повышенный интерес авторов к детективам, уголовной тематике, «милицейским» и «разведческим» романам в ущерб геронко-романтическим традициям нашей приключенческой литературы. Конечно, увлечение западными образцами детектива (а этот жанр за рубежом представляют не только халтурщики, но и замечательные мастера прозы), коснувшееся и читателей, и писателей, было естественным реактивным явлением после длительного периода игнорирования жанра, пренебрежительных реплик и насмешек. Нашим литераторам хотелось поскорее понять существо этого как бы заново явившегося жанра, освоить ряд чисто технических приемов. Отсюда спешка, некритическое осмысление зарубежного опыта. Это был неизбежный ученический период. В конце концов детектив вырвался на широкую дорогу и получил признание. И не случайно, скажем, газета «Фигаро» вдруг посвящает советскому детективу основательную статью, автор которой сообщает о значительно возросшем художественном уровне этого рода литературы, расширении его тематических границ и не без ворчания признается, что позитивные, полезные для дела социалистического строительства идеи, разрабатываемые советскими молодыми авторами (к примеру, борьба с пережитками национализма, преступностью, нарушениями законности в следственной практике, утверждение авторитета органов юстиции и т. п.), оказывают заметное влияние на читателей.

Но все-таки: не слишком ли детектив потеснил у нас все остальные разновидности жанра? Не претендует ли он на место единственного полномочного представителя нашей приключенческой литературы? Уголовная, «милицейская», «шпионская» тематика прочно держит сегодня пальму первенства. Есть опасение, что в результате будет достигнут обратный эффект, и у читателя возникнет оскомина. Анишкин хорош потому, что он один в своем роде, этот «деревенский детектив». Ну, а поставьте его в строй других Анишкиных? Может статься, появление героя в милицейской форме или нашего разведчика в эсэсовской будет вызывать у читателя ощущение чистой игры, подобно тому как это произошло с фигурой ковбоя в широкополой шляпе.

Все хорошо в меру... Лучше наши авторы осознают сложившееся положение, и для них детективная форма стала лишь художест-

венным средством выражения важных, значительных идей. Но еще многие начинающие литераторы, чьи способности могли бы получить иное направление, склоняются к детективной форме как самоцели.

Между тем опыт развития жанра подсказывает, что наибольшие успехи ждут его на пути героико-романтического. Приключения — понимаю их не в узком смысле слова, как чистые события, а как находки, победы, поражения, удачи и неудачи, сопровождающие судьбу каждого активно живущего человека, — не исчезли из действительности, хотя, казалось бы, столь высокая степень познания окружающего должна была бы свести их на нет. А такие приключения — почва подвига. Возможности жанра кроются в продолжающемся революционном изменении мира и общества, в таком разнообразном и сложном в наши дни переплетении судеб, в глубине и масштабности современных открытий, столкновении противоположных идей. Перечень ярких тем, могущих питать жанр, очень велик. Мощная, развитая, высокая по духу приключенческая литература с ее положительным зарядом отношения к жизни является обязательной, ибо она воспитывает мечтателей, смельчаков, романтиков, а именно такие люди во все времена торили тропы для человечества.

Не новую выскажу мысль, если признаю, что на развитии жанра до сих пор сказывается какое-то странное, стыдливое, что ли, отношение критики, литературоведения в целом. Время пародий и шуточек конечно же прошло. Но многие умудренные опытом и знанием специалисты в области литературы стесняются определить свое отношение к приключенческому и вообще остросюжетному жанру, как, бывает, взрослые стесняются былой юношеской любви. Игнорировать жанр теперь, естественно, нелепо. Поэтому ему предоставляют некую суженную сферу. Да, читатель любит, ценит такие произведения. Но читатель, мол, очень молодой, наивный, еще не вполне развитой. Еще модно противопоставлять «большую прозу» с ее сложной проблематикой приключенческому жанру, специфика которого при этом уже не отрицается, нет, но как бы нивелируется.

Хорошо писала об этом в темпераментной статье, опубликованной в «Комсомольской правде», И. Вишневская («Ода Шерлоку Холмсу»): «Но верно ли отдавать этого героя только детству? Верно ли отдавать лишь детству «Приключения Тома Сойера», «Трех толстяков», «Трех мушкетеров», «Легенду об Уленшпигеле», «Приключения Шерлока Холмса»? Нет. Иначе перестанет жить какая-то веселая, милая, умная, искренняя часть человеческой души».

Интересно: словно бы отвечая этому, московские театры в последние годы ставят целый ряд спектаклей, основой которых яви-

лись упомянутые И. Вишневской «романы детства» с их авантюрным, лихим, искрометным сюжетом и смельчаками героями. «Тиль» — в Театре Ленинского комсомола. «Три мушкетера» — в ТЮЗе. Спектакли идут с фантастическим успехом, смотрят их и дети, и подростки, и взрослые, и старики. Значит, жива, жива эта веселая и умная часть души, что заставляет нас восхищаться доблестью, отвагой, честью. И как было бы хорошо, если бы наши серьезные и уважаемые критики постоянно ощущали в своей душе эту частичку.

Горький, мы знаем, предостерегал молодых авторов, чтобы они не задерживались на образцах, подобных тем, какие являет творчество Монтепена, Понсона дю Террайля, Дюма, призывал идти к Бальзаку, Флоберу, Золя. Но в то же время великий писатель честно и открыто признавал: «Рокамболь учил меня быть стойким, не поддаваться силе обстоятельств, герои Дюма внушали желание отдать себя какому-то важному, великому делу...»

Горький, как видим, не стыдился юношеских увлечений. Беру на себя смелость заявить, что герои советской приключенческой литературы ни в чем не уступают ни д'Артаньяну, ни уж тем более Рокамболу и влияние их куда более значительно, так что стыдиться нам уж и вовсе не к лицу. На мое поколение сорокалетних, к примеру, образы Сани Григорьева из «Двух капитанов» или краснофлотца Косицына, коменданта Птичьего острова из «Приключений катера «Смелого», воздействовали гораздо сильнее, чем герои Дюма. Многие дала нам наша приключенческая проза. Однако признание, аналогичное тому, какое высказал Горький, мы услышим редко.

В литературоведческой среде еще не изжита давняя и странная тенденция каждый раз, когда автору удается написать достаточно глубокое, приметное произведение, близкое приключенческому жанру по духу или букве, выхватывать его из этой области прозы и переносить в иную, якобы более почетную. Для этого всегда находятся основания, потому что удачи, как правило, возникают на той условной меже, что разделяет жанры, и толковать их формальную принадлежность можно достаточно произвольно. Так было с произведениями А. Козачинского, В. Каверина, П. Нилина, В. Липатова и других. Бытует в таких случаях извинительное выражение: «автору удалось подняться над...» Над чем подняться? Над мечтой? Молодостью? Геронкой?

А между тем читателю всяческие определения жанровой принадлежности, разряды, градации, таблицы о рангах не нужны. Читателю нужны хорошие книги. Почему бы критике не перенять у читателя эту разумную объективность — ну хотя бы из соображений литературного милосердия и равноправия? Ведь многие авторы-приключенцы выступают и в иных жанрах, и работу их надо рас-

смаковать целостно, не разыскивая «чистых» и «нечистых», как мы рассматриваем, скажем, творчество такого мастера, как Алексей Толстой. Только сноб может устыдиться «авантюрных» рассказов Толстого, его приключенческих, научно-фантастических повестей, хотя в них много игры, шутки, экспромта. Сам писатель, здоровый, полнокровный человек, никогда не считал такие произведения чем-то второстепенным, не относил к нелюбимым детищам. Напротив, он не любил литературы, написанной «без дерзости, без риска, серо, нивелированно, скучновато».

До «Территории», напечатанной в журнале «Наш современник», Олег Куваев опубликовал много рассказов и повестей в приключенческих изданиях. Но эти издания выпадали из поля зрения специалистов. Творчество незаурядного писателя на протяжении более чем десяти лет оставалось незамеченным. Оценка же нужна любому автору, даже приключенцу, хотя бы он, подобно своим героям, и обладал достаточной выдержкой и стойкостью. Общественная оценка позволяет раньше созреть писателю, осознать себя, выйти на широкую дорогу. Это тем более нужно для литературы в целом, для всех жанров.

Это тем более необходимо, что после бурного роста приключенческой прозы, после появления целой плеяды интересных авторов в последнее время наметился определенный спад. Вчерашние «молодые» теперь уже не молодые. Достойного пополнения что-то не видно, и есть опасность, что наш с вами любимый жанр вступит в полосу — будем называть вещи своими именами — нового кризиса.

На этом фоне новое издание «Московского рабочего» — «Поединок» выглядит более чем обнадеживающе. Выход в свет третьей книжки — это не просто очередной шаг. Это прочное утверждение традиции. Не случайно в народе цифра «три» является символом законченности, округленности. Первые две книги были своего рода пробой, понском связей с читателем и с автором. Теперь дело пошло. «Поединок» утвердился. У него уже есть прошлое. Но самое главное, у него есть будущее. Наша современная приключенческая проза — в движении, в одолении слабостей, в состоянии перемен. Только одно остается в ней неизменным сегодня, как и вчера: ее боевитость, ее романтическая взволнованность, ее патриотический дух. Герои этой литературы сегодня, как и вчера, призывают к горению, самоотверженности, подвигу.

За это мы и любим приключенческий жанр, правда? И этой любви не стыдимся...

Виктор С М И Р Н О В

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

В. Вучетич. Ночь комиссара	6
Ю. Авдеенко. Четыре почтовых голубя	44
В. Делль. Серые, серые скалы...	151
А. Ромов. Следы в пустоте	197
Ф. Шахмагонов. Найти воскресшего	301
С. Высоцкий. Наводнение	392

Рассказы

С. Рыбас. Засада	460
Н. Коротеев. Последний рейс	467
В. Виноградов. Два вопроса	476
В. Смирнов. Жанр, нужный всем.— <i>Послесловие</i>	498

Р2

П 45

П 45 **Поединок. Сборник. Вып. III.** М., «Моск.
рабочий», 1977.
512 с.

В третьем выпуске ежегодника «Поединок» публикуются приключенческие повести и рассказы московских писателей. Теме революции и гражданской войны посвящены повести и рассказы Ю. Авдеенко, В. Вучетича. О мужестве и героизме советских людей в наши дни рассказывают А. Ромов, Н. Коротеев и др.

Сборник посвящается 60-летию Великого Октября.

Р2

П $\frac{70302-351}{M172(03)-77}$ 190-77

**ПОЕДИНОК. Сборник
ВЫПУСК ТРЕТИЙ**

Составитель *Э. Хруцкий*
Редактор *Л. Сурова*

Художник *В. Житников*, Художественный редактор *Н. Игнатьев*.

Технический редактор *Т. Павлова*.

Корректоры *Е. Протасова, Т. Семочкина, Л. Царская*.

Л44488. Сдано в набор 17/XI 1976 г. Подписано к печати 12/IV 1977 г. Бумага № 3. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 27,46. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 96 к. Зак. 1245.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

